

Мария Ордынцева

Битва за жизнь

Мария Ордынцева

Битва за жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68753370

SelfPub; 2023

Аннотация

В сборник вошли несколько рассказов и этюдов разных лет (с 1992 по 2011) и разной тематики, в т.ч. "Битва за жизнь", "Пять часов вечера", "Музыкант", "Лишний человек" и др.

Содержание

РАССКАЗЫ	4
Битва за жизнь	4
Пять часов вечера	9
Лишний человек	20
Музыкант	22
Дневник студента-практиканта	38
Пластика сердца	45
Седьмой царь	48
ЭТЮДЫ	53
Он вставал из Ада	53
Коридор жизни	55
Фонари	57
Расставаясь с прошлым	58

Мария Ордынцева

Битва за жизнь

РАССКАЗЫ

Битва за жизнь

Солнце едва скользило еще первыми лучами по этой стороне планеты, отчего ее атмосфера искрилась радужно и радостно, встречая его теплые ласки. Казалось, это нежно-голубая жемчужина, обрамленная бриллиантовым ожерельем из тысяч звезд и возлежащая на черном бархате Вселенной. Да, планета обладает редкой красотой. Не зря Он любит ее более прочих и не зря именно здесь поселил своих детей, глупых, неразумных, изгнанных с небес, но все-таки горячо и безмерно любимых. Можно было бы завидовать такой любви и ревновать Его к этим неблагодарным, разрушающим все и созидающим так немного. Кое-кто так и поступил. Но, пав ниже первого неба, обратно уже не вернуться и не испытать этого восторга, ликования, всеобъемлющего и возвышающего умиротворения от близости к Нему, от Его щедрого, несущего самое Жизнь света. За это стоит бороться, уже ради

этого только стоит хранить верность Создателю всего сущего.

И вот мы сидим на клубящейся, ослепительно белой массе, любуясь лучшим Его творением. Столетиями мы бьемся за жизнь на нем, и вот скоро новый бой. Со второго неба топает к нам на помощь своими космическими шагами огромный Хадраниэль, и Гавриил давно приготовил свой огненный меч. Силы и Власти уже строят свои порядки, и Метатрон спешит к Михаилу объявить Его Великую Волю, предвидящую все. Мы ждем начала.

Вот спустился из высших сфер на небесном драконе Авдиил. Пасть драконья напомнила нам бездну, куда пали когда-то наши товарищи, усомнившиеся всего один раз в Его могуществе.

К каждому из нас уже не раз подкрадывался вором отец лжи, пытаясь опутать нас своими прелестными сетями. Он действительно прекрасен, силен, красноречив. Его не зря называли Светоносным. Он дарил нам свет, сверкая ярче звезд и радуг. Он говорил нам о возвышении над глупыми и самовлюбленными семенами Адама.

«Стоит ли воевать за тех, кто даже никогда не слышал о вас? За тех, кто не почитает Отца своего и каждую секунду

нарушает волю Его. Может быть, стоит прекратить эту безраздельную и непонятную любовь и обратить взор на себя? Мы заслужили все и не получили взамен своей преданности ничего. Миллионы лет мы верно служили Тому, который влюбился в самую совершенную, но все же самую неблагодарную свою тварь – в человека. Мы убиваем своих братьев, убиваем друг друга, но нас забыли и бросили, хотя ни одному адамову потомку и не снилось могущество самого меньшего из нас. Разве справедливо это? Разве правильно? Но если на трон взойдет кто-то из нас, все может измениться. Тот, кто был одним из нас, будет помнить о своем происхождении и заботиться о своих братьях, он прекратит войну...»

Так говорил он, вползая тенью сомнений в самые нестойкие сердца. Когда они теряли мужество и веру, мы теряли своих друзей и приобретали новых врагов. Отвергнувшие главный закон – Любовь, падали они в небытие и восставали против нас в битвах. Мы всегда оплакивали их, и каждый раз, встречаясь с ними лицом к лицу, скрещивая с ними мечи, мы видели, как больше и больше поглощает их темная энергия греха, обезображивая их лики, отягощая крылья, озлобляя и очерняя их. Они все меньше сознают, как ошиблись, идя по ложному пути. Они все больше отдаляются от своей отчизны, хотя их единственное стремление – вернуться к Отцу. Отчаяние, боль, страх – вот удел их, навеки обреченных и проклятых за нераскаяние свое. Огонь и муки,

и каждый раз поражение. Скоро новый бой. Он длится уже тысячи лет – этот страшный бой, немыслимый и невидимый тем, кто внизу, хотя ведется он из-за них и за них.

Мы никогда не знали плотских радостей бытия. Мы не знаем, что значит искупаться в море, встретить рассвет, поцеловать любимого. Хранители рассказывали нам, что людей восхищают эти малые крупички вселенской материи. Не зная Отца, они любят Его в этих искрах Его Любви, они чувствуют дыхание Его в каждом лепестке цветка, листке дерева, хотя их цветы и деревья не сравнятся с садами Седьмого неба. Мы удивляемся этому, как подтверждению Любви к Отцу неведомому и невидимому, наблюдая одновременно, как те, что видели и знали Его, бродили по садам Эдема, питались и укрывались Светом Его, вдруг отреклись от Него и усомнились в Нем. И мы прощаем людям сомнения в том, что они не знают. Видимому верить легче. Мы продолжим защищать их, зная, что когда-нибудь они откроют в себе Отца своего.

Авдиил, образец верности нашей, не раз укреплял нас в этой борьбе, без страха поражая мечом даже главу падших, Светоносного Люцифера, отца лжи Сатану. И сейчас он поощряет нас словом, слышанным от Гласа Отца нашего.

Любовь, свет, жизнь проникают в нас живительной силой,

наполняя нас решимостью стоять до конца, не допуская от-
верженных даже сюда, на первое небо. Гонец возвратится к
Престолу с радостной вестью, а мы уже выступаем, слыша
боевой клич архистратига нашего и видя длань его, простер-
тую в сторону врага.

Мы отряхиваем с наших сандалий белые клубы облаков,
расправляем наши крылья, поправляем доспехи. Мы подни-
маемся ввысь, собираясь в небесные воинства. Их так много,
что небеса до края мир белеют от крыл.

Впереди на грозовых тучах и ветрах приближаются к нам
темные силы. Мы встречаем их спокойно, веря Отцу нашему
и вселенскому Его могуществу. Холодный блеск мечей все-
ляет в нас уверенность в победе. Грядет битва.

27.10.09 г.

Пять часов вечера

Я снова шел по улицам этого странного города. Кажется, я уже бывал здесь раньше, но не мог вспомнить, когда и при каких обстоятельствах.

Из-за толстых каменных заборов висели лапами пальмовые листья и плети виноградных лоз, углы подпирали нарядные кипарисовые колонны. Они шелестели на легком ветру тревожно, перебивая друг друга, но я не понимал их речь.

Я шел по кривым старинным улочкам и никак не мог понять, что здесь не так. Какое—то невнятное ощущение преследовало меня, никак не желая проявиться точнее.

Длинные тени от домов и деревьев под ногами делали мостовую похожей на зебру или нескончаемо длинную иллюзию лестницы.... Стоп... иллюзия... да, пожалуй, это слово очень подходило под мое невнятное ощущение. Но в чем она?

Уверенные белые и серые штрихи стен домов, логично дополнявшиеся серо-фиолетовыми тенями и задумчивым терракотом, украшенные гирляндами окон, увенчанные черепицей. И словно бант на подарочной упаковке – высохший плющ, затянувший корсетом одну из стен во внутреннем дворике и улегшийся загорать на крыше в обнимку с каминной трубой.

Кажется, приближался вечер. Но вокруг было тихо и пустынно, лишь вдалеке маячило несколько темных фигур. Впрочем, попадая в просветы домов, они пестрели вполне жизнерадостным желтым или красным цветом.

Я решил поговорить с кем-нибудь. Возможно, это дало бы мне понимание происходящего. Но в пустых витринах лавок было тихо, двери заперты и даже как-то смазаны что ли... Словно невидимый туман окутал все это непонятное мне место, заворожив его жителей и самую жизнь.

Наконец, я догнал ближайšie ко мне две фигуры. Это были две старухи, идущие под руку. У каждой пустая корзинка на локте. Обе в шляпках, с седыми короткими волосами. На одной вязаная горчичная кофта и красноватая юбка, на другой все черное и полосатое. Они неспешно ковыляли по улице, что-то тихо обсуждая между собой.

Приблизившись, я услышал обрывки их голосов:

– Будем надеяться на лучшее, Роза...

– Мадонна, когда же кончатся эти пять часов!

– Простите! – окликнул я их. Они остановились, недоуменно озираясь по сторонам. Я обошел их спереди и остолбенел. Их лица словно заволокла невидимая вуаль – рассмотреть их было невозможно, угадывались лишь общие черты и какой-то пронзительно синий цвет на месте глаз у одной из них, которую товарка назвала Розой.

– Простите, – еще раз повторил я в замешательстве, но Роза сама продолжила разговор, всплеснув руками и обра-

тившись к небу:

– Ангел небесный! Да ведь это он!

Ее подруга, не скрывая своей радости, вдруг затараторила молитву «Padre Domini...», перекрестилась потом наспех и склонилась передо мной:

– Наконец-то! Мы так долго ждали! Так долго!

– Меня?! – удивился я, не понимая уже абсолютно ничего.

– Конечно, если я хоть что-то еще понимаю в этой жизни! – тон ее не подлежал сомнению.

– Да, Мануэла, это он! – горячо поддержала ее Роза. – Позавчера мне описывала его Изабелла, он являлся ей во сне. И лицо у него было очень четкое, светлое! Значит, скоро все закончится! Возблагодарим за это Господа!

– Сны Изабеллы всегда сбываются, это все знают, – кивнула согласно Мануэла и обратилась ко мне снова:

– Мы только хотим, чтобы все закончилось побыстрее. Ведь это в ваших силах!

И они двинулись дальше своей дорогой, обсуждая, что «он поможет обязательно» и что «надо рассказать Изабелле, и соседкам справа и слева, и еще на рынке».

Постояв немного, я свернул за угол. Там, возле старого белого пикапа двое мальчишек играли в орлянку, но как-то странно тихо, без видимого азарта. Их лица напоминали лица старух, встретившихся мне, – такие же смазанные, ничего не выражающие.

Я поневоле провел рукой по глазам: может быть, просто

у меня что-то со зрением и мне нужны очки? Но нет, я ведь ясно видел автомобиль, и старую каменную кладку ближайшего особняка, и даже камушки в руках у мальчишек. Значит, дело не в этом.

Заметив меня, мальчишки молча выпрямились, в их позах явно читалась заинтересованность моей персоной. Наконец, один толкнул другого локтем, тихо шепнув «смотри, у него есть лицо!» – и обоих как ветром сдуло.

«Да, у меня есть лицо, странно, что у других его нет», – подумал я и вернулся назад – на улицу, с которой пришел.

Картина там изменилась – старух уже не было, и вообще никого не было, кроме белой фигурки, стоявшей возле огромного старого особняка в двух домах от меня. Когда я показался из-за угла, фигурка ожила и быстро направилась ко мне.

Это явно была молодая девушка – хотя лицо ее было таким же, как у других, в дымке и без каких-либо контуров, все же возраст ее выдавала гибкость движений, и легкость походки, и стройный стан; золотистые волосы спадали ей на спину волнами, хотя и в них не было четкости. Почему-то я подумал, что она должна быть красавицей.

– Это ты! – радостно воскликнула она, бросившись мне на шею. Я молчал, совершенно не зная, чего еще ждать, и надеясь, что она что-нибудь наверняка объяснит мне. Так и произошло.

– Ты не помнишь меня? Ах да, ну конечно, ты не можешь

меня помнить, – говорила она, волнуясь, – это же был сон. – Просто если ты снился мне, то я могла присниться тебе... Но ведь ты здесь, значит, скоро все закончится, и пять часов пройдут. Как это здорово, что ты здесь!

– Изабелла? – попытался угадать я.

– Значит, ты вспомнил? – она засмеялась, довольно, и я понял, что угадал. – Ну, с чего мы начнем? Что ты хочешь изменить в первую очередь? Может быть, начнем с неба? Оно слишком пугает меня иногда.

Я невольно взглянул вверх (странно, почему раньше я этого не сделал?) и увидел, как верхушки домов расплываются в том, что не имеет какого-либо определения. Это Нечто как-то странно клокотало, рябило, иногда в нем проглядывали некие штрихи – зеленые, охряные, серые, черные. Оно казалось прозрачным, но таковым не являлось, и нельзя было сказать, что это туман, или жидкость, или что-то еще из известного мне. На секунду мне показалось вдруг, что прямо на меня из этого Нечта выглянуло мое собственное лицо – такое же клокочущее, рябое, с черными впадинами глаз и рта, огромное, как соседние дома.

Нечто полностью покрывало все видимое пространство меж домов до горизонта, но все же не давало ощущения темноты или даже сумерек. Все вокруг было освещено вполне естественно, будто солнце, приближаясь к закату, решило задержаться подольше и расправить длинные кипарисные тени на старинных булыжниках противоположной стороны ули-

цы.

Недалеко из-за крыш я увидел самый кончик башни городской ратуши с голубым циферблатом. Действительно, стрелки показывали пять. Крыша башни и фронтоны тоже размыты были господствующим над городом Нечто.

Заметив мое выражение лица, Изабелла пояснила:

– Они всегда показывают пять, но куранты никогда не бьют.

–Изабелла, ты не видела сейчас лицо? Огромное такое... – глупо спросил я, все еще находясь под впечатлением.

Втайне я надеялся, что мне показалось, но она разрушила эту надежду:

– Видела, эти лица часто появляются, смотрят, словно хотят что-то увидеть. Вроде, они дружелюбные – никогда ничего плохого от них не слышали, да они и не говорят вовсе, – поправила она себя. – Но все равно как-то не по себе. Так как же? С чего мы начнем? – она вернулась к теме разговора.

– Я не знаю, – пожал плечами я. – Я не знаю, что делать, – мое уточнение расстроило ее.

– Но ты должен все закончить! Иначе все так и останется, и мы никогда... – кажется, она собиралась заплакать, хотя это трудно было видеть за дымкой на ее лице. Я ее понимал, но что я мог сделать? Кто я такой? Путник, случайно забредший на улицы этого странного города. Откуда я пришел, я и сам не знал, но точно из мест, где у всех были лица, а над головой – небо.

Девушка, наконец, успокоилась и, решительно взяв меня за руку, повела за собой. Она больше ничего не говорила, а я шел за ней послушным теленком, не задавая никаких вопросов.

Мы прошли так несколько домов, не встретив ни одной живой души, а потом я встал как вкопанный, едва взгляд мой упал на то, что было в конце улицы. Четкость домов постепенно пропадала по мере удаления от места, где мы стояли. Спустя несколько домов от них остались только цветные пятна грязно-рыжего, серого, фиолетового оттенков, иногда их контур ограничивали несколько перекладин черного, темно-зеленого или белого цвета. Еще дальше оставались только перекладки без наполнения, а затем просто белое пятно. Даже Нечто над нашей головой постепенно стало переходить и, наконец, совершенно поглощалось этой белой пустотой. Там просто ничего не было.

Не поверив своим глазам, я двинулся вперед. Приблизившись к пустым перекладинам, я инстинктивно потянулся рукой к тому, что должно было означать дом, и нащупал шершавую белую поверхность. Я отошел немного дальше и снова уперся в белую стену.

– Стена, – сообщил я Изабелле, все еще ожидающей меня поодаль.

– Это не стена, – сказала она и подошла ко мне. По мере ее приближения ее фигура, как все вокруг, стала превращаться сначала в голубоватые пятна, потом только в едва различ-

мые светлые голубые и желтые контуры.

– Остановись, – попросил я. Мне казалось, что если она сейчас сделает еще несколько шагов, то совсем растворится в пространстве. Она послушно встала.

– Не понимаю, – признался я ей. – Ведь я же не изменился, я просто уперся в стену.

– Я же говорила, что ты можешь все изменить, – повторила Изабелла. – Когда ты поймешь, как, то все станет иначе.

Она вернулась на прежнее место и обрела первоначальный облик. Я последовал за ней.

Мы присели на каменных ступеньках истертого многими подошвами крылечка ближайшего дома.

Иллюзия... Это всплыло в моей памяти почти сразу. Какая-то явная нереальность происходящего была для меня очевидна. Но за иллюзией всегда стоит скрытая правда. Если вернуться к началу... Все говорят про эти пять часов, которые никак не кончатся. И стрелки часов на башне ровно на пяти. Значит, время здесь стоит на месте. Ничто не меняется, не развивается, кроме этого Нечто над головой. И выйти из этого белого тупика нельзя. Видимо, пока не сдвинется время. Город, за которым ничего нет, – ни дорог, ни полей, ни ферм с коровами или овцами, только белое шершавое непонятно что. Может, нарисовать на этом белом что-то? Создать иллюзию конца улицы, выхода за город. Не зря же говорят, что подобное лечат подобным. И, в конце концов, я же художник.

Повинуясь нахлынувшему внезапно вдохновению, я вытащил из своей котомки краски, кисти и сделал первый мазок прямо перед собой, на белом пространстве. Оно вздрогнуло немного, отпрянув от неожиданности, но вскоре успокоилось под мягкими прикосновениями и вдруг ожило, затрепетав ветерком в ветвях только что распустившегося на моих глазах апельсинового дерева.

Я обернулся к Изабелле и понял, что она улыбается. До меня не сразу дошло, что в ее лице что-то поменялось. Лишь через пару минут я осознал, как прекрасны ее глаза цвета Средиземного моря в ясный летний день.

Когда я закончил мостовую и городские ворота вдалеке, я смог увидеть и золотистые локоны моей спутницы. Чтобы немного отдохнуть и заодно полюбоваться ею, я присел опять на ступеньки.

– Хорошо, это очень хорошо, – прошептала Изабелла, следя за преображением улицы. Та действительно вдруг вытянулась, оттеснив вдаль белую пустоту.

Мне хотелось сказать Изабелле, в каком удивительном, необычном, ненастояще-настоящем мире она живет, как она прекрасна – будто потерявшийся в этом пустом неподвижном мире ангел. Но я не сказал. Я лишь задрал голову вверх и обнаружил, что Нечто тоже изменилось. Оно приподнялось над городом, едва теперь задевая за башню с часами, и ослепительно глубокая синева кое-где стала пятнами прорываться через его непрозрачно-прозрачную рябь.

– Оно удивительное, правда? – спросила Изабелла. – Когда ты проснешься, не забудь сделать его таким.

– Значит, я сплю? – меня почему-то это не обрадовало.

– Отчасти, – глаза ее улыбались. – И все же спасибо тебе. Ведь если бы мы не встретились, ничего бы не изменилось. А сейчас тебе пора...

Когда я открыл глаза, мне в лицо из-за просветов ставен светил тонкий солнечный луч, а его братья-солнечные зайцы расплзлись уже по стене над кроватью, как бывало каждое утро.

Я сел.

В глубине комнаты стоял незаконченный холст. Вчера я хотел уничтожить его, почему-то решив, что я ничего не могу изменить. Как я мог забыть – вот же он, этот странный город, где вместо неба маячило Нечто, а улицы заканчивались белой пустотой! И Изабелла... Ее легкая фигурка угадывалась посреди главной улицы. Вот и Роза с Мануэлой, и Мануэла будет опять скороговоркой читать свое «Padre Domini»; а мальчишки возле пикапа все еще играют в орлянку, и выигрывает, конечно, тот, что сказал, будто у меня есть лицо.

Я начал работать. И если бы сейчас вошла квартирная хозяйка, я вряд ли смог бы ей объяснить, почему стою в одних трусах, весь перепачканный краской, с безумными глазами и остервенело смешивая палитру. Она причитала бы, что не позавтракав и не одевшись, приличный человек не начинает свой день, и что, видимо, все художники такие рассеянные

и беспечные люди, что нисколько не думают о своей репутации в глазах других людей, но ей не наплевать, что будут говорить о ее доме ее соседи, поэтому мне следует поторопиться к завтраку, предварительно натянув на себя хотя бы штаны и рубашку. Впрочем, я бы даже не слышал ее. Я знал только, что меня ждут, надеясь на перемены. И что, когда я сделаю последний штрих, наконец, где-то закончится пять часов вечера.

15-18.10.2009

Лишний человек

Он появился утром, этот маленький беззащитный человек. И вскрикнул, пораженный увиденным вокруг огромным миром. Ведь до этого был только теплый и уютный, маленький – в материнском чреве.

Мать улыбнулась и прижала его к своей груди:

– Здравствуй, малыш!

Их глаза, такие похожие, встретились.

Темный человек вошел в комнату, и мать инстинктивно обняла ребенка покрепче.

– Мадам, вы нарушили закон, – сказал человек.

– Это несправедливый, чудовищный закон. Я не хочу ему подчиняться! – словно в бреду заговорила женщина, все еще прижимая к себе ребенка.

– Мадам, вы не понимаете всей важности своего поступка, – человек попытался объяснить ей – вкрадчиво, с деланой мягкостью в голосе. – Земля перенаселена, и каждый новый человек усугубляет положение. Наша планета не может прокормить столько людей сразу. Поэтому и ввели закон – не более одного ребенка на семью. А у вас уже второй! Ведь из-за вашего ребенка кто-то будет голодать!

– Никто не будет голодать, – возразила мать, еще сильнее

сжимаемая объятия. – Я отдам ему свой кусок хлеба, если нужно.

– Поймите, мадам, сейчас это один человек. Когда он вырастет, у него появится естественное желание иметь детей. И вот уже целая цепочка. В будущем это могут быть тысячи людей – от одного. Неужели не ясно?

– Нет-нет, до этого не дойдет. Тем более... Как же тогда те, кто не могут иметь детей? Этот ребенок заменит человечеству чьего-нибудь чужого, не имеющего возможности родиться ребенка.

– Мадам, к сожалению, в расчетах учтены бездетные пары. Им даже выплачивают премии в выражение благодарности планеты. Я вынужден буду забрать вашего ребенка и уничтожить его во имя человечества.

– Мне наплевать на человечество, которое уничтожает моих детей! – крикнула мать, судорожно сжимая своего сына.

Но вдруг она бросила тревожный взгляд на ребенка и медленно отняла его от груди, все больше бледнея. Ее губы дрожали, и глаза уже ничего не видели вокруг.

Перед ней на простынях лежал ее сын. Он был мертв.

Темный человек улыбнулся краешком губ и вышел из комнаты. Свой долг он исполнил.

Октябрь 1996

Музыкант

Навстречу солнцу шел он в поисках счастья. Кудри задорно рассыпались по его плечам, неразлучная подруга-гитара пела на ветру какую-то тихую ей одной известную песенку – и птицы подпевали ей, кружась над головой путника, легко и бодро шагающего по пыльной грунтовой дороге. Казалось, все вокруг улыбалось Музыканту.

На горизонте уже был виден Город, стекающий по склонам холма белой пеной домов и зелеными водорослями садов прямо к морю необыкновенного сияющего лазурного цвета. Там наверняка в каком-нибудь кабачке найдется кружка холодного золотистого пива. И Музыкант сможет отдохнуть немного, сбросив стоптанные грязные сапоги и любясь танцующей фламенко стройной красавицей. Он споет всем, кто захочет его слушать, свои песни – и гитара поможет ему. Недаром же столько времени шептались они в тени дубов и ясеней, вязов и кипарисов.

Музыкант хотел дарить людям радость, хотел научить их видеть мир по-детски наивно, легко, как видел он сам, и показать людям чудо, таящееся в каждой самой незначительной мелочи. Именно за этим ходил он из Города в Город и пел.

Серезка подложил под голову руку, чтобы удобнее было лежать, и улыбнулся своим мыслям.

– Сереза, к тебе Оля пришла! – сказала за дверью мать.

Серезка сел, огляделся – вроде, порядок – и крикнул:

– Входи, Оля!

В комнате появилось некое ангелоподобное существо с синими-пресиними, немного наивными глазами и пушистыми мелко вьющимися светлыми волосами. Они познакомились три месяца назад, когда он спас ее от хулиганов на улице. Серезке сильно досталось, но все-таки шпана смоталась, а Оля робко подошла к нему, присевшему на тротуаре отдышаться и утирающему рукавом кровь, и сказала:

– Спасибо вам! Я могу вам помочь? Может, «скорую» вызвать?

– Не надо, – отказался Серезка. – Помогите мне лучше встать.

– Конечно, – защебетала девушка. – Ах, какая я глупая! Извините, пожалуйста...

Оказавшись на ногах, Серезка попробовал пройтись и с удовольствием отметил, что у него это неплохо получилось. Он взглянул на свою подопечную повнимательнее:

– Ну что, Одуванчик, как тебя хотя бы зовут?

С тех пор Оля стала для него Одуванчиком. Вот уже три месяца они встречались. И Серезка все яснее чувствовал, что ничего подобного с ним еще не было. Впрочем, он пока старался не слишком задумываться об этом.

Оля впорхнула в комнату мотыльком и присела рядом с Сережкой на кровать:

– Привет!

– Привет, Одуванчик, как жизнь? – он обнял ее за плечо и чмокнул в щечку. – А я вот валяюсь. Лениюсь. Как тебе такая перспектива?

– Какая? – не поняла Оля.

– Лениться вместе, – пояснил Сережка, дотянулся до гитары, лежавшей неподалеку от него на полу, и немного побренчал струнами, настраивая ее.

– Научи меня играть, – попросил Одуванчик, с интересом разглядывая инструмент, и осторожно прикоснулся к одной из струн пальчиком. Сережкина рука автоматически накрыла ладонь девушки. Их взгляды встретились на мгновение.

– Давай никогда не расставаться? – неожиданно даже для себя предложил он. Как-то само вырвалось, ничего такого он не собирался говорить. Но сказал – и осознал, что ничуть об этом не жалеет. Даже наоборот: хочет, чтобы так и вышло.

Оля, удивленная, какое-то время молчала, потом улыбнулась так нежно, что у Сережки сердце защемило.

– Хорошо, – просто ответила она. Полудетские черты ее приобрели оттенок озорства. – А что мы будем делать вместе всю жизнь?

– Возьмем гитару и пойдем бродить по дорогам, давать концерты на площадях, ночевать в стогах душистого сена и любоваться звездами, – начал перечислять Сергей.

– Вот это да! – мечтательно восхитилась Оля. – А зимой?

– Зимой мы будем возвращаться домой, пить на кухне чай с вареньем и есть мамины пироги, вспоминая лето. Кстати...
– он потянул носом воздух. – Пироги-то уже поспели!

Он мигом слез с кровати и ласково потрепал девушку за щеку, склонившись к ней для этого:

– Не скучай, я сейчас вернусь, – и выбежал за дверь.

Этот Город ничем не отличался от других. Те же налегающие друг на друга от тесноты домишки из серого камня на окраинах, такие же грязные и унылые бедные кварталы, резко контрастирующие с богатыми белеными виллами. Упитанные свиньи валялись в лужах, напоминая чем-то бегемотов. Одинокие козы бродили вдоль дороги и щипали редкие травинки, кое-где пробивающиеся из-под камней. Но чем дальше к центру, тем шире и чище становились улицы, симпатичнее здания, больше простора и веселья в воздухе.

Музыкант оказался на площади, вымощенной серовато-коричневым булыжником, гладким от множества лет и ног. По одну сторону высилась небольшая церковь, по другую – ратуша. А чуть дальше вглубь улиц болталась вывеска Трактира – лучшего в городе питейного заведения с гордым названием «Корова и Петух». Оттуда слышался смех, доносились крики, музыка и аплодисменты. Усталый путник, не долго раздумывая, направился напрямик туда.

В «Корове и Петухе» был аншлаг. Люди – трезвые и пья-

ные, все, кто мог хоть немного видеть, сидеть, стоять или хотя бы лежать, смотрели в центр зала. Пробившись к центру круга через плотную стену посетителей, Музыкант увидел Ее.

Прекрасная, как сама любовь, девушка в длинной красной юбке и белой блузке, с алой розой в густых черных волосах танцевала под звуки бубна и гитары. Танец был страстен, как огонь, как буря. Он захватывал зрителя целиком, заставляя следить за каждым движением гибкого тела, за каждым ударом кастаньет. Он молил о любви и обещал любовь.

Один лишь мимолетный взгляд ее огромных глаз цвета здешнего моря, одна улыбка полных чувственных губ – и сердце Музыканта вспыхнуло фениксом. Вокруг нее одной закружился мир, для нее одной теперь звучали песни. И он уже не мог думать ни о чем другом.

Последний удар бубна – и девушка сошла со сцены. Восхищенные взгляды провожали ее тонкую фигурку. Потеряв чувство реальности, лишь в последний момент Музыкант вдруг понял, что Она идет к нему.

Сунув нос в кастрюлю, Сережка с наслаждением потянул ноздрами воздух и спросил у матери, разминавшей тесто:

– С чем пирожки, мам?

– С мясом, с картошкой, с яблоками.

– А скоро можно будет есть? – Сережка проверил, горячий ли чайник.

– А ты что, торопишься? – поинтересовалась мать. – И гостью даже чаем не угостишь?

– Угощу, конечно, – заверил Сережка, деловито выхватывая из миски еще не остывший пирожок и, обжигаясь, а потому перехватывая его то и дело пальцами, наконец, засунул в рот. С набитым ртом он продолжил: – И вообще, какая же она гостья? Вот возьму и женюсь на ней.

– Жених! – засмеялась мать. – Ну что ж, по крайней мере, есть надежда дожидаться внуков.

Сережка задорно сморщил нос, чтобы еще больше позабавить мать, и вернулся к своему Одуванчику.

– Сейчас чай будем пить, – объявил он с порога комнаты.

– Но ведь сейчас лето, – напомнила Оля, улыбаясь.

У Сережки перехватило дыхание. Он понял, что сейчас не утерпит и поцелует ее.

– Ничего, – выдавил он хрипло. – Это не страшно.

– Почему ты так странно смотришь? – спросила Оля.

Не в силах больше сдерживаться, Сережка потянулся к ней – и она не отстранилась. А после, счастливые, оба засмеялись над своими обалдевшими от внезапного поцелуя физиономиями.

– Ну вот, теперь мы точно не расстанемся, – подытожил Сережка. – Они жили долго и счастливо и умерли в один день. Как ты на это смотришь?

– На что? – уточнила девушка.

– На то, что мы сейчас пойдем бродить по улицам и вы-

ступать перед публикой.

– В городе нет стогов сена и нельзя разводить костры.

– В городе есть все. А главное, там есть ты, Одуванчик, – Сережка нежно обнял девушку. – У нас еще столько стогов сена впереди, что ни одному цыгану не снилось!

Был праздник. И Город стал непривычно многолюден. Дома покрылись гирляндами цветов и флагов, все заборы и столбы стыдливо закутались в разноцветные ленты. Непривычно чистые дети бегали за привычно грязными свиньями. Под ногами путались бродячие собаки в надежде поживиться вкуснятинкой. Со всех концов площади доносились умопомрачительные запахи жареных сосисок, лепешек и пива. Торговцы звали людей взглянуть на лотки с товаром. Между горожанами важно прохаживалось несколько жандармов, следивших за порядком. А нарядный бургомистр с женой стоял на крыльце не менее нарядной ратуши в ожидании праздничной проповеди. Он первым по традиции должен был войти в церквушку и чинно сесть на передней скамеечке.

Посреди площади играл квартет лохматых и шустрых старичков всех размеров, весело притопывая в такт самим себе.

Музыкант медленно шел сквозь толпу. Улыбаясь, он наблюдал за кипевшей в Городе жизнью. Ради этого праздника он остался тут на непривычно долгий срок – три дня. Была, впрочем, еще одна причина.

Эта причина вдруг подбежала к молодому человеку, смеясь, схватила его за руку и потянула за собой:

– Пойдем! Пойдем быстрее! – и золотое монисто мелодично звенело в тон ее голосу.

Пробравшись за девушкой сквозь толпу зевак, Музыкант остановился. Его спутница уже договаривалась с оркестром старичков, а после, вернувшись к Музыканту, попросила:

– Сыграй для меня. А я спою, – и отошла в середину круга, специально освобожденного для нее.

С доброй улыбкой Музыкант взял свою гитару, побывавшую с ним во всех его странствиях. Перебрал медленно струны, проверяя звук, и заиграл. Он вспомнил сегодняшнюю ночь – страстную и нежную, волнующую, захватывающую: сладость поцелуев и мягкость губ, дарящих их, шелк кожи и аромат волос – и полилась чудесная мелодия, а очаровательный голос, который ночью шептал ему слова любви, запел в такт ей старинную грустную песню. Оркестр подыграл этому дуэту, а девушка танцевала, и страстные взгляды ее предназначались только одному человеку на этой площади – ее Музыканту.

Утро не торопилось, в отличие от Сережки, встретить новый день, обещающий столько счастливых перемен. И мама, разбудив его, с улыбкой подала ему лучшую рубашку и сказала:

– Будь счастлив, сынок.

– Буду, мам, – пообещал Сережка, одеваясь. – Обязательно.

И глядя на сына, его крепкое загорелое тело, задорно торчащие черные вихры и лукаво улыбающиеся огромные синие глаза – как он был похож сейчас на своего отца! – мать прошептала:

– Вот ты и вырос, Сережа.

Обернувшись на ее голос, Сережка подошел и обнял ее:

– Все будет хорошо, мам. Ты же знаешь.

– Да, – согласилась она. – Только не опаздывай. Девушки не любят ждать.

– Я еще раньше нее приду, – пообещал Сережка. – Вот увидишь!

А на улице все сияло и пело, будто чувствовало, что происходит в его душе. Никогда он не думал, что может быть настолько счастлив. Посмотрев на часы, Сережка убедился, что времени еще целый вагон: загс открывается только через полчаса. Значит, он успеет еще купить цветы.

Подбежав к продавцу, он придирчиво осмотрел каждый цветок, каждый стебелек и листик: букет для его Одуванчика должен быть безупречен. Выбрав пять самых красивых нежных белых роз, Сергей расплатился и помчался туда, где возле памятника известному писателю должна была ждать его самая красивая девушка на свете – его будущая жена.

Город, уставший от бурного дня, погружался в сумерки.

Зажигались одно за другим окна. И дома, по-философски мрачными фасадами упирающиеся в улицу, ждали возвращения своих пьяных, но довольных хозяев.

Девушка медленно шла по площади. Скоро должен был прийти ее Музыкант – бургомистр долго уговаривал его сыграть для самых уважаемых граждан Города, и ему пришлось уступить, оставив ее на время одну. Лишь костер возле самого крыльца ратуши согревал ее пока, маня в свои ласковые объятия.

Послышались голоса. Два торговца рыбой, обнявшись и рассуждая о прелестях форели, провожали друг друга по домам. Но почему-то встревожено забилося сердце – и девушка, отняв руки от огня, выпрямилась. Перешептываясь и указывая на нее своими скрюченными грязными пальцами, торговцы подошли ближе, и один из них схватил вдруг девушку огромными волосатыми ручищами. А другой, не слушая криков, угроз и молений, прижался к ней спереди, пытаясь целовать и тиская ее упругую грудь. Оба смеялись, и тошнотворный запах прокисшего пива и протухшей рыбы заслонил собою радость жизни и мечту о любви. Сознание мутило – и не было уже ничего, лишь боль и желание тьмы. А тело не слушалось больше велений разума, а лишь чьих-то похотливых потных рук.

Пламя трещало возмущенно поленьями, а на булыжной мостовой лежало в луже печально поблескивая золотое монисто.

Сережка стоял возле памятника уже пять минут, еже- секундно сверяясь с часами.

– Парень, дай закурить, – попросил кто-то сзади.

Сергей обернулся и увидел детину лет двадцати, полногу- бого и веснушчатого.

– Извини, брат, не курю, – ответил он.

– Плохо, – разочарованно кивнул тот. – Ждешь кого-то?

– Да, невеста запаздывает, – улыбнулся Сережка. – Собра- лись заявления подавать.

– Поздравляю, – парень расплылся в улыбке. – Я тоже свою жду. Оба, значит, женихи?

– Выходит так, – согласился Сережка. – Что ж, тогда и я тебя поздравляю!

– Ты хват, – рассуждал его новый знакомец. – Цветы ку- пить догадался. Ну да ничего, я своей тоже куплю. Слушай, давай потом посидим где-нибудь вчетвером, отметим собы- тие?

– Я не против, – засмеялся счастливо Сергей. – Как тебя хотя бы зовут, брат?

– Николай, – представился парень, заливаясь довольным румянцем.

– Сергей, – Сережка подал ему ладонь для рукопожатия.

– Сергей! – донеслось до него откуда-то издалека.

– Твоя? – догадался Николай, глядя через Сережкино пле-

чо.

– Моя, – кивнул тот и повернулся туда, откуда услышал голос.

Оля стояла на другой стороне улицы и махала ему рукой:
– Я сейчас!

Улыбающийся Сережка помахал ей букетом, торопя ее. Оля засмеялась, пряча лицо в ладонях, потом осторожно ступила на дорогу и быстро пошла в его сторону.

Что-то страшное, какое-то странное чувство заставило вдруг похолодеть Сережкино сердце и повернуть голову в сторону. Оля, заметив, как изменилось его лицо, посмотрела туда же.

Времени больше не было. Сережка слышал лишь скрип тормозов, глухой удар тела о капот машины и пронзительный крик, обрывающий душу. Он не помнил, как оказался рядом с Олей, упал на колени воле ее тела, распростертого на асфальте. Розы рассыпались рядом, но Сережке было не до этого. Его Одуванчик умирал у него на руках, и он ничего не мог сделать. Лишь вымученная улыбка с запекшейся кровью в уголке ее губ и пронзительный, но удивительно быстро угасающий блеск небесно-голубых глаз врезались в память. Слезы заслонили этот мир, отделив Сережкино горе от любопытства окружающих.

Холод мостовой вернул к жизни сознание. Мучительная слабость не давала девушке подняться. Медленно повернув-

шпись на бок, она сделала последнее усилие – и села. Вокруг никого не было. Только игра Музыканта доносилась до ее слуха в тишине ночи.

Церковная колокольня возвышалась над площадью. Именно сейчас она предстала перед девушкой во всей своей строгости и неумолимости, роковая, грозная, неприступная. И встав на колени, девушка начала молиться, а статуи ангелов и святых смотрели на нее каменными лицами, не осуждая и не сочувствуя.

Она была одна. Пустота надвигалась на нее, лишая надежды и защиты. И вот, пронзив темноту сталью, короткий клинок появился в руке девушки. Устремив взгляд к небесам, она вонзила его в свое поруганное тело и рухнула на камни, где состоялся только что ее позор.

На пороге ратуши под смех и овации появился Музыкант. Он успел лишь заметить блеск металла и протяжный вздох, нарушивший молчание площади. Он услышал лишь крик и не узнал собственного голоса. Чужие люди окружили его. И ночь сочувственно укрыла его черной пеленой одиночества.

Чья-то рука легла на плечо Сергея. Он поднял голову и увидел Николая.

– Она умерла, – тихо сказал он, как бы извиняясь за случившееся. – Ты ей уже не сможешь.

– Она не может умереть! Она не могла так... – замотал головой Сережка, еще не выпуская тело Ольги.

Неизвестно откуда взявшиеся люди в белых халатах попытались отнять у него его добычу и уложить на носилки. Потребовалось немало усилий, чтобы оторвать Сергея от подруги. Николай, с трудом удерживая его, вырывающегося и хотевшего броситься к санитарам умолить не забирать от него его Одуванчика, сказал:

– Пойдем! Пойдем со мной!

Сережка брел, не разбирая дороги, ведомый своим новым знакомцем и его девушкой. Она что-то говорила тихо своему жениху, но это уже было не важно.

Каким-то странным образом он оказался вдруг в своей квартире, и бледная, ничего не понимавшая мать побежала за ним в его комнату.

Открыв окно, Сережка вдохнул ворвавшийся в комнату ветер, и оглянулся на мать полубезумными глазами:

– Мама, ее нет.

– Сережа, не делай этого, – она вцепилась в сына и зарыдала.

Он попытался мягко отстранить мать, затем уже настойчивее, но у него не получилось.

– Мама, как мне жить без нее? – спросил он тогда.

– Не знаю, мы придумаем что-нибудь. Но заклиная тебя ее памятью, не делай этого! Не оставляй меня, – она говорила очень быстро, будто боялась, что не успеет убедить его, сказать все главное, что нужно его остановить. – Не делай этого, пожалуйста...

Сережке казалось, что он предаёт её – своего Одуванчика, но и мать он предавал сейчас своим намерением.

– Прости, – он решительно захлопнул стеклянные створки. – Прости меня. Обещаю, я тебя не оставлю. Только сейчас, пожалуйста, дай мне побыть одному.

– Хорошо, сынок, хорошо, – мать немного успокоилась, но все ещё с опаской вглядывалась в лицо сына.

– Иди, – попросил Сережка очень серьёзно. И повторил снова: – Как мне жить без неё, мама?

Он не ждал ответа. Мать все равно не могла бы его дать. Ответа не могло быть. Разбитое сердце кровоточило, дошептывая последние утешения угасающей жизни.

В последний раз Музыкант обернулся на Город. Сюда он больше не вернется никогда, даже если ему придется еще тысячу раз пройти мимо. Он заплатил слишком дорого за здешнее гостеприимство. Этот Город уничтожил частичку счастья, которую сам же и подарил Музыканту. Он растоптал его мечту. Солнце в той прекрасной долине, где стоит этот Город, уже никогда не станет светлым и радостным. И этим серым унылым камням, перемежающимся солью вилл, уже никогда не научиться видеть мир иначе, чем до сих пор. Гитара никогда не сможет спеть ему те мелодии, которые поет душа ее хозяина.

Музыкант выпрямился. Он взглянул на дорогу, на далекие холмы и поля, расстилающиеся перед ним. Он звал его.

Впереди еще было много Городов и песен. Это был его дом, его мир. Мир, где любовь победит смерть и воскреснет в новой, лучшей жизни.

Ульяновск

01.10.1996 -03.08.2011 г.

Дневник студента-практиканта

День первый

Знакомство с сотрудниками. Мой руководитель практики Михалыч – строгий дядька. Велел сгонять за водкой в обеденный перерыв. Потом сказал, что следователь из меня не получится, потому что он просил принести водки, а не узнавать режим работы магазина. Я расстроен.

День второй

Меня послали в засаду с операми. Весь день играли в карты и пили. Проиграл последние тридцать рублей. Мать убьет за то, что не купил хлеба. Надо найти, где переночевать. Девчонки с курса носятся по поручениям. Бедняги. В соседнем кабинете пишет описи хорошенькая блондиночка. Не забыть завтра проводить ее домой.

День третий

Опера сказали, что я свой мужик, а Михалыч весь день гонял меня за водкой. Начальник следственного управления поручил осмотреть вещдоки, пока Михалыч беседует с чер-

тями. Михалыча ненавижу.

P.S. Расставаясь утром, блондинка представилась Валею.

День четвертый

Прочитав протокол, написанный мной, начальник следственного отдела заставил меня поклясться на Уголовном кодексе, что я никогда не приду работать в его отдел. Михалыч пил водку и следил, как проститутка допрашивает меня. Девчонкам с курса поручили первое самостоятельное дело. Валя сказала, что родителей сегодня не будет дома. Михалыч урод.

День пятый

Весь день с операми на выезде отдыхал от Михалыча. Пока учился проверять у прохожих документы, случайно задержал киллера, который уже пять лет находится в федеральном розыске. Опер Васька проспорил мне из-за этого тридцать рублей. Можно возвращаться домой.

День шестой

После беседы с адвокатом киллера начальник следственного отдела заставил меня поклясться на Конституции России, что я никогда не приду работать в его отдел, чтобы

не компрометировать своими высокими показателями работу его сотрудников. Михалыч, оказывается, прикольный мужик: поставил мне бутылку «за сбитый» и предложил подумать о карьере. Валя сказала, что секс на подоконнике в архиве ей надоел. Придется искать другое место.

День седьмой

Девчонки с курса успешно раскрыли пару висяков сорокалетней давности. Начальник следственного отдела в бешенстве, потому что в доме престарелых нет палат с решетками, а в СИЗО обвиняемых не берут: боятся, что те умрут от старости раньше, чем окажутся в камере.

Студент из нашей группы Бердымухаммедов научился, наконец, говорить по-русски так, чтобы его понимали другие. Михалыч прослезился и разрешил мне на радостях прошить уголовное дело.

День восьмой

Валя узнала про проститутку от Михалыча и обиделась, сказав, что она не хуже. Вечером в постели придется извиняться. Михалыч урод.

Девчонкам с курса начальник следственного управления предложил место следователей в своем отделе. Вот дуры-то!

День девятый

Завидую девчонкам с курса. Даже выезд на убийство как-то не порадовал. Со злости написал на стене кровью убитого слово «уроды». Эксперты сказали, что я в депрессии, потому что строка ползет вниз и буквы не ровные. Михалыч запил.

Валька хочет познакомиться с матерью. Они что, сговорились что ли все?

День десятый

Как хорошо, что есть спецназ! Помогли мне высадить дверь в кабинет начальника следственного отдела, потому что он отказывался разговаривать со мной о карьере. Михалыч подарил мне венок с ленточкой. Сказал, пригодится. Что-то мне подсказывает, что он прав.

День одиннадцатый

Был на выезде вместе с прокурором. Взаимно не понравились друг другу. Опера сказали, что мои шансы стать следователем равны нулю. Когда я нашел орудие убийства и отпечатки пальцев преступника на трупе, прокурор отпросился в туалет поплевать, а начальник следственного отдела пригрозил натравить на меня ФСБ.

Мать сказала, что если я не женюсь на Вальке, она выгонит

меня из дома.

День двенадцатый

Пил водку с Бердымухаммедовым. Тот сказал, что русские продажны и тянут все, что плохо лежит, поэтому они гнилые финики. Все-таки Михалыч был прав насчет венка.

День тринадцатый

ФСБ я понравился больше, чем прокурору. Обещали помочь с карьерой. Вместе пили и рисовали на фотке прокурора рога. Опера рассказали, что рога срисованы с натуры и дали номер прокурорши.

Бердымухаммедов, очнувшись в реанимации, долго просил у меня прощения. Ладно, я сегодня добрый.

День четырнадцатый

Классная тетка эта прокурорша. Но Валька этого не поймет. На всякий случай заперлись с Михалычем в кабинете и стали бороться с зеленым змием.

День ...дцатый

А у змия, оказывается, забавные усики и хвост в пупыры-

шек...

День, кажется, двадцать восьмой

Наконец, спецназ смог сломать нашу дверь, но споткнулся о ящики с пустой тарой. Теперь Бердымухаммедову не будет так скучно в реанимации. Жена прокурора сказала, что любит только меня.

День точно двадцать девятый

Навестив в больнице спецназовцев, начальник следственного отдела заставил меня забрать обратно свои клятвы и тихо спросил, верю ли я в Бога. Если он имел в виду то, что я думаю, я боюсь.

День тридцатый

Начальник следственного отдела и прокурор, не скрывая счастливых лиц, поздравили меня с окончанием практики. Валька ушла примерять свадебное платье. Прокурорша достала звонками – пришлось отключить телефон. Когда Михалыч говорил последний тост, явились фээсбэшники. Все-таки успели, надо же! Опера освободили для них место, которое забрили для себя спецназовцы. Фээсбэшники сообщили начальнику следственного отдела радостную новость: ме-

ня назначили следователем в его отдел.

17.06.2007

Ульяновск

Пластика сердца

Три двадцать одна. Операция начата.

Скальпель! Зажим!..Что это? Броня?! Хм... Резак! Вторая броня? Интересно. На практике больше одного слоя встречается редко... Третий слой?!! Да что ж это за безобразия! Совершенно невозможно работать! Какой-то торт «Наполеон», а не сердце!.. Наконец-то...

Так, что тут у нас?.. Типичная картина. Фиксируем. Цементированное основание. Железобетон изношен на семьдесят процентов, покрыт мелкими трещинами. Рекомендуется заменить на новый. Сейчас популярна марка «Больш-№»..Кровотечение незначительное, в виде отдельных капель. Зажим! Отлично, перекрыли! Цемент! Хорошая пробочка вышла...

Так-с, следуем дальше... Паутинка висит... Хорошо... Иголочки торчат в правильном направлении, патологий нет... Фиксируем дальше...

Клетка – одна штука, изготовлена предположительно из золота. Надо же, как не повезло. Обычно серебро, железо, а тут мягкий металл, как бы Искра не вырвалась... Вот, этого и следовало ожидать: петельки разболтались, засов тоже никуда не годится. Надо срочно укреплять... Щипцы! Свет побольше!.. Готово! Теперь эта Искра (будь она неладна) ни-

куда не денется...

Пустые отделы... Хорошо, не будем их заполнять всяким хламом. Саморассасывающийся пластырь мне! Какой? Конечно «Без-д`НА». Стыдно не знать последние достижения науки. Наклеим его вот на эту трещинку – сколько же их тут! И на эту, пожалуй... А еще говорят, что чувства прекрасны. Посмотрите, как они изнашивают сердце – и все вопросы и сомнения отпадут сами собой. Этому бедняге с его трехслойной броней еще повезло, иначе износ был бы намного больше. И это в его-то возрасте! Безобразие. Мы совершенно не заботимся о людях.

Так, то это, кстати, за уродливый отросток? Ах, так это же она – та самая опухоль! Несомненно, она – причина всех бед. Наука категорически отрицает ее пользу. Это атавизм, который может лишь разрушать наш совершенный организм. Два сантиметра патологически измененной ткани. Этот счастливец больше никогда не будет страдать. Скальпель мне!..

Мы почти закончили. Что с броней? Поставьте сейфовую дверь, так будет удобнее. К сожалению, последствия операции непредсказуемы, возможны рецидивы. А с такой дверью повторное удаление пройдет гораздо легче...

Нитки... Делайте стежки ровнее, вы же интерн, а не сопливый студент!

Шесть ноль шесть. Операция завершена. Пациент, проснитесь! Поздравляю вас с успешной операцией. А вот и корень всех ваших проблем. Да, такой маленький и урод-

ливый ошметок. Он больше вам не помешает. Ну-с, милый мой, стопроцентной гарантии вам, конечно, никто не даст. Но повторная операция пройдет намного быстрее и легче. Всего доброго! Выздоровливайте!

Сестра, вы что, плачете?! Вы же знаете, что любовь неизлечима. Должны бы уже привыкнуть за столько лет. Утилизируйте ее и принесите мне историю болезни. И не смейте ее помещать в свою дурацкую коллекцию. Хватит нам одной Кунсткамеры. Вы – не добрая фея. Мы с вами чиним разбитые сердца. Мы создаем жизнь. И здесь не место сантиментам.

04.06.2010

Седьмой царь

– Великая Созидающая Сила! Это прекрасная планета! Посмотрите на гармоничные линии материков, кружева облаков, насыщенные цвета зелени и воды!

– Это самое страшное место во Вселенной, мой друг.

– Чем же?! Разве эта жемчужина может источать яд?!

– Яд?.. Да, пожалуй, что так... Яд для сердца и ума.

– Такое возможно?

– Здесь – да. Это прекрасное творение Космоса и Матери Жизни совершает самое ужасное, что только возможно для живого существа, – она затягивает его в физическую оболочку и заставляет убивать для выживания. Поистине, это падение из Эдема страшно.

– Но... но ведь это смерть! Это же страдание, разрушение, муки, угасание божественной энергии! Свет никогда не сможет принять освободившихся оттуда без очищения! Как он вообще мог допустить такое?!

– О, это давняя история. Наши братья, Первая раса человечества, не заметив сопротивления со стороны планеты, обосновалась здесь, но эти невидимые сети, заключив своих обитателей в ловушку, уплотнили их эфирные энергии и породили их потомков, Вторую расу. Они могли бы освободиться, если бы вовремя поняли опасность. Но их подвде-

ла беспечность. Когда эти наследники чистых сфер захотели уйти, коварная материя не отпустила их. Она обманула их, и, поддавшись искушению, они приобрели астральную оболочку, а потом – и андрогинность. Эти Великаны Третьей расы мечтали избавиться от нее, но все более увязали в страстях этой космической преисподней. И, в конце концов, сделали неправильный выбор: они согласились принять физическое тело.

– Но ведь это тело смертно!

– Да, выбор был сознательным. Великаны думали, что телесная оболочка даст им возможность со смертью освободиться от земных сетей и вернуться к предкам, в пределы Вечного Света, к Первой расе. Но они ошиблись. Земля обманула их еще раз: она разделила их на два пола. Падение было завершено. Четвертая раса, прозванная Атлантами по имени своего предводителя и символа, понесла на себе это бремя. Она не оставила мечты освободиться, она даже сохранила в себе остатки Знания и Магии. Но деление на два пола принесло им боль, страдание, низменные страсти – те самые признаки земного идола, заключившие их предков в темницу телесной оболочки, которая не дает счастья созерцать Свет и своих эфирных братьев.

– Несчастные! Что же было потом?

– Гордыня, порожденная страстями, погубила Атлантов в междоусобных войнах за мифическое лидерство. Мать жизни для вразумления послала им столкновение с небесным

камнем, чтобы перед лицом всеобщей опасности они сплотились, вспомнили свои истоки и примирились, но они не поняли и не стали слушать. И она воззвала к ним через океанские воды, сомкнувшиеся над их землями. Немногие выжили тогда. А те, кто выжил, стали воевать со своими наследниками, называвшими себя Ариями. Лев и Орел бились сотни лет. И Пятая раса, порожденная этим проклятьем Богов – прекрасной и коварной Землей – победила. Они не получили в наследство ничего, кроме памяти и мечты спасения. Те безумцы, кто пытался научить их и передать им Знание, погибли или отступились. Невежество, порождающее страхи, иллюзии, ложные учения, господствует над арийцами и поныне. Они думают, что достигли небывалого могущества, что постигли многие тайны и покорили свою планету. Глупцы. Они в Аду, который считают Эдемом. Эти пленники материи не слышат тех, кто заставляет их помнить и указывает путь, они извращают их слова по-своему и стремятся лишь к эфемерной власти, они считают богатством металлы – еще одно порождение земных сфер. Они не видят и не слышат нас, а редкие единицы тех, кто все же видит, – пугаются этого видения.

– Поистине, это Ад. Неужели им никогда не спастись?

– Омут материи силен и редко выпускает из своих объятий тех, кто попал в него. Даже освободившись от плоти, не каждый дух способен вырваться на свободу. Поэтому мы здесь. Мы ждем этих редких счастливых, чтобы проводить

их домой. Мы помогаем им, и так будет всегда, пока Мать Жизни не призовет этот мир к ответу за убийство своих детей.

– Скоро ли это будет? Ведь столько миллионов и тысяч лет мы просто ждем и наблюдаем.

– Еще немало жертв потребует это прекрасное чудовище. Свет открыл нам пророчество семи царей. Шестой царь придет на смену пятому и обретет могущество четвертого, но лишь седьмой замкнет круг, став Совершенным в своей гармонии. Он откроет врата Ада и освободит своих братьев, проложив им дорогу в Эдем и избавив от смертоносного физического удела. Его час еще не настал.

– Разве не в наших силах помочь сейчас?

– Нет. Только дух, преодолевший путы изнутри, увидевший плотские сети и не поддавшийся этому искушению, сможет найти путь и открыть его другим. Вмешавшись, мы будем заключены в тело и предадим забвению свой разум и свой эфир. Мы погибнем, затерявшись в этом вампирическом мире, где все конечно, все обращается в прах, все пожирает само себя.

– Дух Седьмого царя поистине должен быть силен!

– Да, это так. Соединившись со Светом, он снова будет свободен в окружении своих братьев и в океане Матери Жизни познает радостный покой.

– Мы будем ждать его!

– Мы будем ждать его...

02.07.2011 г.

УЛЬЯНОВСК

ЭТЮДЫ

Он вставал из Ада

Он вставал из Ада. Языки пламени шарахались в стороны, чтобы быть подальше от Него. Ветер стонал от изнуряющего жара Его дыхания и бился об Его тело в надежде проскользнуть мимо и умчаться быстрее. Тучи приветствовали Его громом и молниями – а природа плакала от страха.

Он был прекрасен и суров. Черные волосы непокорными волнами струились по его плечам, и черные крылья взметались за его спиной в неслышном крике. Устремив глаза к небу, Он искал Отца.

Отец смотрел на Него с высоты Своего престола, печальный и светлый. Он думал о том, под кем дрожала испуганная земля. И ждал.

Секунда любви – и проклятье рухнуло бы навеки. Но тот, кого деревья молили о пощаде и у чьих ног ураганы стихали, боясь шевельнуться, не был способен на любовь, какой хотел Его Отец. В этом была их общая беда.

Он вставал из Ада снова и снова, чтобы встретиться взглядом с Отцом и понять, как низко пал Он, не умея любить, как зависть и злоба разрушили Его жизнь. И возвратиться в

огонь, не умеющий очистить Его. И мстить.

Сентябрь 1996

Коридор жизни

Бесконечные переходы, углы, ниши, выступы, тупики. Под потолком лишь несколько тусклых лампочек, не освещающих ничего. Темнота – пугающая, желающая прогнать, заползти в сознание страхом и завладеть сердцем, завладеть всем. И двери, двери, двери...

Гулкие шаг отдаются в пространство, ударяются в своды и рикошетом отскакивают от стен.

Быстро идущий по коридору человек ничего не замечает. Молчаливым призраком он пытается преодолеть пустоту, время, бесконечность, войти в другой мир. Он уже видит свет вдали, в конце коридора, и стремится к нему.

Он устал; он знает, что все двери открыты, а за ними соблазн отдохнуть, соблазн искупаться в роскоши и лести. Но он знает, что если войдет в любую из этих дверей, вернуться обратно не сможет, и потому он идет дальше. Спотыкаясь, задыхаясь, боясь потеряться или не дойти...

Мягкие, робкие шажки позади. Кто-то пытается догнать его.

– Возьми меня с собой! – просит детский голос.

Человек останавливается.

– Возьми меня с собой! – повторяет ребенок и протягивает ему руки.

И человек понимает, что если не он, то этот будущий человек дойдет до Цели, что вдвоем не так страшно, не так одиноко. Он улыбается, и темнота отступает. И пустоту пронизывает серебристый детский смех. Человек берет за руку будущего человека, и они идут дальше.

Мрак постепенно рассеивается, лампочки становятся ярче. Все прямее делается их путь, все меньше нужно вилять по закоулкам и переходам.

Шаг. Еще шаг. Они идут вдвоем, и взрослый человек чувствует, что Цель близка, что они дойдут, но только вместе, только помогая друг другу своим присутствием, держа друг друга за руки, вместе преодолевая страх, они дойдут. А ребенок... Ребенок торопится вперед и тянет взрослого за собой.

Июль 1993

Фонари

Фонари... Наверное, это самое полное проявление одиночества и индивидуализма в мире. Они стоят в ряд, в нескольких метрах друг от друга, их много, но каждый сам по себе. Они освещают каждый свое пространство, и каждый по-своему: один ярче, другой темнее – все зависит от их лампочки. Если сгорает лампа, фонарь умирает. Пока в него не поставят новую лампочку.

Так же и люди. Они не вечны. Только вот лампочка у них одна – душа...

Ноябрь 1992

Расставаясь с прошлым

Он держал в руках приглашение.

Снова хоккей, снова быть в команде.

Значит, он все-таки нужен, значит, все-таки вспомнили о его скорости, его победах, его забитых шайбах.

А ведь когда-то он был одним из самых младших и даже из самых слабых. Зато какая у него была скорость! Его стали уважать за это. А как над ним смеялись на тренировках, когда он приходил в «фигурках»!

Он вспомнил все свои игры – от первой до последней. Какие услуги он оказывал команде. В одном из решающих матчей он два раза подряд засадил на скамейку штрафников два здоровенных лба из команды соперников. В другом – забил единственный гол, и команда победила со счетом 1:0. Так забил, что клюшка треснула.

Бывало, что его били. Но если в его руках оказывалась клюшка – его единственный товарищ – ему не был не страшен никто. Тогда битыми оказывались они.

Он мог стать лучшим игроком года – у него было больше всех забитых шайб. Но звание присудили другому парню из его же команды. Какая это была обида! Ему дали только грамоту, а он ушел, оставив ее на скамейке.

Он вспомнил команду, которая по сути и командой-то не

была. Не было там дружбы или взаимовыручки. И там никто не замечал его отсутствия.

И вот теперь он снова нужен. После того, как он ушел из хоккея.

Снова спорт. Игры, тренировки. Все может повториться. Изменился состав команды, изменился ее дух. Только вот мир у этих пацанов не изменился.

Да и зачем все это? Он ушел и думал, что навсегда. Не думал даже, а клялся в этом себе. Так зачем вспоминать о прошлом, с которым расстался без сожаления?

Приглашение, повинувшись резкому и сильному движению пальцев, превратилось просто в обрывки бумаги.

Зачем все это? Все кончилось еще тогда, два года назад.

Яркое пламя пожирало бумагу, слова, напечатанные на ней, и память, вечную память о прошлом. Он сидел, задумавшись. Его лицо не выражало ничего, кроме спокойствия. Да глаза сияли каким-то усталым блеском, следя за огнем, который угасал вместе с жизнью, оставляя после себя лишь горстку пепла.

Ноябрь 1992